

ПАВЕЛ СТАНИСЛАВОВИЧ ЗАРУЦКИЙ

аспирант кафедры общего языкознания филологического факультета

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

WoundCulture1919@gmail.com

КОГДА АБСУРДИЗМ СТАНОВИТСЯ РЕАЛИЗМОМ: ОБ АБСУРДНОМ В ПОЭТИЧЕСКИХ КНИГАХ Г. С. ГОРА И К. ЯННУЛОПУЛОСА

Рассматривается цикл «блокадных» стихотворений Геннадия Гора и книга Костаса Яннулопулоса «Декаδική προσήλωσι των μανδρινών» («Десятичная приверженность мандаринов»). Целью статьи является сопоставительный анализ двух сборников, являющихся беспрецедентными на фоне остального творчества поэтов и современных литературных процессов. Основой для сопоставления служит присущая им поэтика абсурда, а также контекст, в котором создавались произведения, – в трагических условиях блокадного Ленинграда и греческой диктатуры. Последние десятилетия блокадный цикл Гора привлекает внимание все большего количества исследователей, в то время как поэтическое наследие Яннулопулоса в наши дни остается практически не изученным. Сопоставление этих экспериментальных поэтических сборников является уникальной попыткой анализа творческих стратегий двух авторов в переломные периоды политической и художественной жизни России и Греции. Актуальность исследования обуславливается значением двух книг в контексте национальных литературных авангардов. Блокадные стихи Гора представляют собой важное связующее звено между «историческим» авангардом и советской послевоенной «неподцензурной поэзией», а «Десятичная приверженность мандаринов» является одной из первых опубликованных книг третьей волны греческого авангарда. Автор сравнивает стихи двух книг, выделяя в них общие элементы, а также различия: ощущение времени, смерть как граница реального и сопровождающий ее смех, который символизирует искаженную, «неправильную» реальность, и т. д. Также в статье затрагивается вопрос проявления идеологии в произведениях вышеуказанных авторов. Сопоставления сборников двух так явно непохожих авторов, не знавших друг друга, писавших в разное время, показывает тем не менее, насколько созвучным может быть творческое осмысление тяжелых и жестоких событий.

Ключевые слова: греческая литература, русская литература, авангард, абсурд, смех в литературе, обэриу

Для цитирования: Заруцкий П. С. Когда абсурдизм становится реализмом: об абсурдном в поэтических книгах Г. С. Гора и К. Яннулопулоса // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 1. С. 32–36. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.429

ВВЕДЕНИЕ

Влияние катастроф XX века на искусство невозможно оценить однозначно. Старый, привычный язык оказывается беспомощен и нежизнеспособен в страшнейшие моменты человеческой истории. Об этом свидетельствует даже не цензура, репрессии или физическое уничтожение художников, но поставленный Т. Адорно фундаментальный вопрос о возможности поэтического творчества как такового после Освенцима [10: 30]. Вторая мировая война делит искусство прошлого века на «до» и «после»; падение греческой диктатуры в 1974 году стало одной из главных причин произошедшей в стране двумя годами позднее языковой реформы. Художник, оказавшийся свидетелем травматического опыта своего народа, как правило, вставал перед выбором между политической ангажированностью и молчанием. Однако известны примеры, когда именно данный опыт создавал уникальные творческие эпизоды. К подобным стоит отнести цикл «блокадных» стихотворе-

ний Г. Гора, написанный в период 1942–1944 годов, и изданную в 1972 году книгу К. Яннулопулоса «Декаδική προσήλωσι των μανδρινών» («Десятичная приверженность мандаринов»). Ни в коем случае не претендуя на сравнение блокады Ленинграда и греческой диктатуры – двух абсолютно несопоставимых как по масштабу, так и по трагичности явлений, данная статья рассматривает две книги, ставшие уникальными для их авторов в выбранных средствах выражения; две книги, написание которых вряд ли было бы возможным в иное время и в иных обстоятельствах.

***

Г. Гор (1907–1981) известен в первую очередь как «раз и навсегда запуганный сталинскими репрессиями» [4: 180] писатель-фантаст. В молодые годы писатель живо интересовался «левым» искусством и испытывал влияние формализма, от которого впоследствии решительно отрекся. О том, что в 1926 году будущие обэриу-ты считали творчество Гора близким по духу,

свидетельствует в своих воспоминаниях И. Бахтерев:

«Тогда Заболоцкий подал правильную мысль: при-смотреться к окружающим нас литераторам и наиболее, говоря современным языком, перспективных включить в особый список кандидатов, не говоря им, упаси бог. А затем следить за их творчеством, стараться направить. Такой список был постепенно создан, в него входили поэты и прозаики. Вот кого я вспомнил: Варшавский, Синельников, Корпачев, Тювелев, Геннадий Гор, Дой-бер Левин» [2: 77].

Однако собственное «обэриутское» творчество Гор всю жизнь хранил в строжайшем секрете. Лишь в 1981 году после смерти писателя его родственниками были обнаружены рукописи 95 стихотворений, датированных 1942–1944 годами. Данные стихотворения являются авторской попыткой фиксации и осмысления пережитого им в блокадном Ленинграде, который он покинул с эвакуационным эшелонам в апреле 1942 года. В нечеловеческих условиях «полужизни», кровопролития и каннибализма именно обэриутский абсурдизм со свойственным ему гиперболизированным акцентом на глубокую неестественность ужасных событий позволил Гору максимально правдиво запечатлеть увиденное им в осажденном городе.

К. Яннулопулос (1948–1997) представляется полной противоположностью Гора: оставаясь до конца жизни приверженцем авангарда, он так и не посвятил себя литературному творчеству. В Греции он известен как основатель существовавшего с 1977 по 1981 год журнала «Τζαζ» («Джаз»), глава музыкального лейбла, организатор фестивалей и радиоведущий. Знаатокам поэзии известны его переводы битников Г. Корсо, Р. Бротигана и Л. Ферлингетти. Однако собственное его поэтическое творчество остается практически неизвестным, даже несмотря на тот факт, что без упоминания Яннулопулоса не обходится ни одно исследование греческого авангарда 1970-х годов. В 1965–1970 годах Яннулопулос активно экспериментировал со звуковой и визуальной составляющими поэзии; написанные им в этот период работы в жанре «конкретной поэзии» (и впоследствии опубликованные в вышедшей под его редакцией всемирной «Антологии конкретной поэзии») являются первыми из известных греческих образчиков данного направления. Единственная книга автора, «Десятичная приверженность мандаринов», была напечатана в 1972 году в маленькой типографии на средства его друга, ускользнув от внимания цензуры увядающего, но все еще грозного режима. Сборник состоит из 114 небольших произведений, по своей форме представляющих собой некий гибрид верлибра и дневниковых заметок. В отличие от ранних работ автора, в которых угадывалось влияние дада, зауми, звуковой и конкретной поэзии, стихотворения «Десятичной приверженности мандаринов» за-

труднительно определить не только по форме, но и по стилистике. Но абсурдизм и неожиданные сочетания слов и образов, которые не разрушают, но лишь добавляют убедительности конструируемой автором вселенной, позволяют говорить о том, что в 1972 году в Греции времен военной диктатуры молодой Яннулопулос неосознанно позаимствовал ряд методов из творческого арсенала ленинградских обэриутов, подобно тому как за тридцать лет до него это абсолютно осознанно сделал Гор.

В произведениях обоих писателей при одинаково отчетливом присутствии авторских «я» абсолютно по-разному передается ощущение времени. Если у Гора время нелинейно, но движимо (от авторского возвращения в детство до ощущения неминуемой смерти в ближайшем будущем), то поэтическая вселенная Яннулопулоса застряла в некоем безвременье. Ощущением замкнутости и граничащим с обреченностью страхом перед неизменностью этого состояния переполнена вся книга: «Вдруг мне кажется, что спустя столько тысяч возрастов небеса так и не отверзутся. Мог бы кто предвидеть, что нечто столь завораживающее окажется пустой суетой?»¹. Или:

«Мой маленький мир, на что ты смотришь?
Тебя свела с ума
История? Согнись хорошенько и увидь клетку
своего разума. Не требуй рассудительности.
Хватит
с нас границ, Насилия, отцов
поездов и нас» (Γιαννουλόπουλος: 16).

Герой Яннулопулоса принимает свою реальность как данность и действует согласно ее законам, герой же Гора ощущает себя «выбитым» из его действительности в некое враждебное подпространство: «И небо вдруг окаменело»² или:

«<...>
Вдруг море погасло.
И я
Остался без мира,
Как масло» (Гор: 126).

В противовес обжившемуся в своем мире герою Яннулопулоса герой Гора – невольный гость. Быть может, именно поэтому одним из центральных образов в поэзии последнего является река, в которой тонут деревья, дома, сердце и лирический герой, но которая продолжает свое течение, в то время как у Яннулопулоса это неподвижные деревья и звезды.

Поэтические вселенные обоих авторов пограничны. В мире блокадного Ленинграда Гора смерть является единственной безусловной реальностью, она довлеет и берет свое, а сама жизнь перестает приниматься на веру: «Нас несут в подвал. И я кричу: / – Живой! Живой! / Но мне не верят» (Гор: 49). В мире же Яннулопулоса смерть – это то, что еще можно «заштукатурить», от чего можно отвернуться: «Никто

не хотел услышать усопшего» (Γιαννουλόπουλος: 15). В Ленинграде Гора дети обречены еще в материнской утробе: «Еще беременный живот, / Да крик зловещий в животе, / Да сын иль дочь, что не родятся» (Гор: 48). Но и в подаче греческого автора участь ребенка видится едва ли менее мрачной: «Вот и младенцы рождаются, умирают, не поняв, не почувствовав, слепые, глухие, одинокие, и всегда ничто, всегда боль» (Γιαννουλόπουλος: 21).

В контексте обстоятельств маркером смерти, а точнее, не-бытийности у обоих авторов выступает и само авангардистское письмо. К. Ичин считает, что именно трагедия обэриутов 1930-х годов, а не смерть Маяковского, обозначила «конец так называемого русского авангарда, от которого отреклись все его представители...» [6: 103]. В подцензурной Греции начала 1970-х годов диктатура была «единственной существенной и тяжелой данностью» [13: 74], и греческая экспериментальная литература продолжала развиваться преимущественно в иммигрантской среде. Таким образом, «мертвый» язык авангарда был способен не только подчеркнуть «неправильность» описываемой реальности, но и зафиксировать некий «потусторонний» опыт авторов. Смерти и обреченности у обоих поэтов сопутствует не плач, но смех:

«<...>
Но лето в закрытые окна придет
И солнце затеплит в квартире.
И конь улыбнется недужный
И дятел ненужный,
На папе улыбка сгниет.
Мышь убежит под диван
И мама растает, и тётка проснется
В могиле с рукою прощальной
В квартире, в могиле у нас» (Гор: 29).

и

«Морской конек не смог взлететь. Сейчас все так самозабвенно смеются. Смеется и подобострастная рысь. Все скопление треугольников сделалось равнозначным. Некий ослепленный Бог верит, что он не слепой» (Γιαννουλόπουλος: 11).

Смех и улыбки в данном случае являются индикаторами некоей искаженной реальности, в которой привычные законы теряют силу. Яннулопулос, как и другие представители послевоенного греческого авангарда, ориентировался на творческие практики своих предшественников – греческих сюрреалистов. Смех и абсурд в его творчестве также уходят корнями в сюрреализм, а точнее, в черный юмор, «нередко имеющий нотки трагедии» и,

«...подобно иронии Сократа, открывающий перед нами безграничность, пустоту, бездну, протяженность ограниченного в нескончаемое и дающий неозримые возможности, выходящие за узкие рамки повседневной жизни» [12: 25].

Стоит также отметить, что соседство «смеховой культуры» и смерти имеет глубокие фольклорные корни, что, в частности, нашло отражение и в творчестве русских авангардистов, в первую очередь – наиболее ценных обэриутов поэтов А. Крученых и В. Хлебникова [8: 380]. Хлебниковской цитатой воспользовался и А. Александров, когда, подразумеваемая обэриутов, написал, что «[о] тех, кто пришел после Велимира Хлебникова, тоже можно сказать, что их смех отравлен “смехом смерти”» [1: 15].

В своем поэтическом творчестве Яннулопулос сторонился любой идеологии; в первую очередь его поэзия была реакционна по отношению к климату, царившему в кругах греческой интеллигенции. Однако в Греции времен диктатуры политический подтекст обретала не только форма произведения, но даже само имя автора [5: 200]. И конечно же, молодой приверженец поэтических новшеств и один из первых апологетов «свободного» джаза в Греции не мог в собственном творчестве избежать рефлексии на тему творческой несвободы, в которой оказалась его страна. В этом контексте кажется закономерным, что поэт оказался среди задержанных во время восстания в Афинском политехническом университете в 1973 году. В отличие от других, открыто левых авангардистов, чьи первые публикации пришлось на закат греческой хунты (Т. Хитириис, А. Пагулатос, К. Триандафиллу), Яннулопулос ощущает себя скорее потеряннным, нежели готовым сражаться. Данное состояние иллюстрирует стихотворение сборника под номером 74, которое вполне можно считать авторским автопортретом:

«Я маленький плывущий котенок. Поначалу я дрожал, но после привык. Часто срезал кору с сердец ангелов и глотал сочащееся масло подобно поездкам, глотающим свои пути. В итоге это не пошло мне на пользу. Глаза мои перестали смотреть в мою сторону и стали устрицами, беспрестанно играющими с белками моей политической ипостаси. Поэтому с тех пор я не молюсь вечерами. Боюсь» (Γιαννουλόπουλος: 31).

Гор, даже в своих ранних работах не отступавший от просоветского содержания, оказался вне идеологии перед лицом блокадного ужаса. Пограничная ситуация, оспаривающая своим существованием глобальные концепции и упраздняющая привычный язык как средство описания, упразднила также и перепуганного советского писателя, которым Гор был в некоей другой реальности³. «Я выстрел к безумью. Я – шах / И мат себе. Я немой. Я уже / Ничего и бегу к ничему» (Гор: 47), – пишет он. Эта ипостась Геннадия Гора не испытывает никаких иллюзий насчет своей участи:

«Двое меня на поляну к осине попросят,
А третий наденет на шею веревку.

И девушки будут смеяться воровки
Глядя на ноги мои что так странно висят» (Гор: 97).

Пограничность текстов Гора и Яннулопулоса проявляется не только в условиях, в которых они были написаны, но также и в историях двух национальных авангардов. Известный Гору «исторический» русский авангард более не был жизнеспособен, но также не пришло еще время для русского неоавангарда, взявшегося развивать достижения своего предшественника «через дополнение приоритета формы над содержанием стремлением к реконструкции утраченного значения слова и наполнением его новым “сущностным” смыслом» [7: 42]. Поэтический сборник Яннулопулоса также пришелся на переходный период между второй и третьей стадиями формирования греческого авангарда. По словам Э. Арсениу, эта третья стадия, начавшаяся в 1970-х годах, характеризуется смещением акцента с политического потенциала авангарда на формирование новой культурной идентичности [11: 414]. Более того, стихи, написанные «в стол» (в случае Гора) или ориентированные на крайне ограниченный круг читателей (в случае Яннулопулоса), нельзя в полной мере рассматривать с позиции авангардистского проекта снятия «автономного искус-

ства через его растворение в жизненной практике» [3: 83]. Анализируя прецеденты ложной деавтономизации искусства, П. Бюргер ставит вопрос: «Не обеспечивает ли разрыв между искусством и жизненной практикой пространство свободы, внутри которого мыслимы альтернативы существующему положению дел» [3: 84]. Возможно, этому пространству свободы и принадлежат два анализируемых цикла.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сопоставление «блокадного» цикла Гора и «Десятичной приверженности мандаринов» Яннулопулоса обнаруживает множество параллелей между творчеством двух никогда не знавших друг друга поэтов, писавших в разных странах, в разное время, при разных обстоятельствах. После войны Геннадий Гор вновь стал «благонадежным» советским писателем, Яннулопулос же после падения режима обратился к другим видам деятельности. «Я не пишу / Я живу / Я действую»⁴, заявил он в одном из своих стихотворений. И в некоторой степени оба данных поэтических сборника стоит отнести к категории «действий», нежели к писательским экспериментам.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Здесь и далее перевод стихотворений с греческого языка на русский осуществлен автором статьи. Γιαννουλόπουλος Κ. Δεκαδική προσήλωσή των Μανταρινών. Αθήνα: Ι. ε., 1972. Σ. 14. Далее в тексте в круглых скобках указывается фамилия и через двоеточие страница.
- ² Гор Г. Красная капля в снегу: Стихотворения 1942–1944 годов. Real Nylaea / Сост., предисл., подгот. текста и примеч. А. Муждаба. М.: Гилея, 2012. С. 125. Далее в тексте в круглых скобках указывается фамилия и через двоеточие страница.
- ³ См. также рецензию Олега Юрьева [9].
- ⁴ In free fall: tribute to Costas Yiannoulopoulos. Athens: Libra Music, 2000. Σ. 1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров А. А. Эврика обэриутов // Ванна Архимеда. Л.: Худож. лит., 1991. С. 3–34.
2. Бахтерев И. Когда мы были молодыми (невыводимый рассказ) // Воспоминания о Н. Заболоцком: Сб. / Сост. Е. В. Заболоцкая, А. В. Македонов, Н. Н. Заболоцкий. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1984. С. 57–100.
3. Бюргер П. Теория авангарда. М.: V-A-C press, 2014. 198 с.
4. Довлатов С. Мы начинали эпоху застоя // Довлатов С. Блеск и нищета русской литературы. М.: Азбука «Классика», 2010. С. 179–185.
5. Заруцкий П. С. Безграничное пространство поэтических инноваций // Иностранная литература. 2019. № 4. С. 199–205.
6. Ичин К. Авангардный взрыв: 22 статьи о русском авангарде. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2016. 383 с.
7. Соколова О. В. От авангарда к неоавангарду: язык, субъективность, культурные переносы. М.: Культурная революция, 2019. 294 с.
8. Харджиев Н. И. Статьи об авангарде. Т. 1. М.: РА, 1997. 392 с.
9. Юрьев О. А. Заполненное зияние-2 (Рец. на кн.: Гор Геннадий. Блокада: Стихи / Пер. с русского с параллельным текстом. Вена, 2007) // Новое литературное обозрение. 2008. № 89. С. 260–272.
10. Adorno Th. W. Kulturkritik und Gesellschaft // Adorno Th. W. Gesammelte Schriften. Bd. 10/1: Kulturkritik und Gesellschaft. Frankfurt, Darmstadt, 1997. S. 11–30.
11. Αρσενίου Ε. Νοσταλγοί και πλαστοурγοί: έντυπα, κείμενα και κινήματα στη μεταπολεμική λογοτεχνία. Αθήνα: Τυπωθήτω, 2003. 448 σ.
12. Βαλαωρίτης Ν. Το χιούмор στον ελληνικό υπερρεαλισμό // Διαβάζω. 1985. № 120. Σ. 23–32.
13. Τριανταφύλλου Κ. Commun ground or under ground // Το Αθηναϊκό Underground 1964–1983. Αθήνα: Athens Voice Books, 2012. Σ. 73–82.

Pavel S. Zarutsky, Postgraduate Student, Saint Petersburg University
(St. Petersburg, Russian Federation)
WoundCulture1919@gmail.com

WHEN ABSURDISM BECOMES REALISM: THE ABSURD IN POETRY BOOKS OF GENNADY GOR AND KOSTAS GIANNOULOPOULOS

This article discusses “sieged Leningrad” poems by Gennady Gor and the book of Kostas Giannouloupolous Δεκαδική προσηλωση των μανδαρινών (The Decimal Commitment of Tangerines). Its aim is to make a comparative analysis of two collections, which are unprecedented against the background of the rest of the two poets’ works and contemporary literary processes. The basis for the comparison is their inherent poetics of the absurd, as well as the context in which the works were created, the tragic and inhuman atmosphere of besieged Leningrad and Greek military junta of 1967–1974. In recent decades, the Gor’s siege cycle has attracted the attention of an increasing number of researchers, while the poetic legacy of Giannouloupolous today remains virtually unexplored. The juxtaposition of these experimental poetry collections is a unique attempt to analyze the creative strategies of the two authors during the critical periods of the political and artistic life of Russia and Greece. The relevance of the study is determined by the importance of two books in the context of national literary avant-gardes. Gor’s siege poems are an important link between the “historical” avant-garde and the Soviet post-war “uncensored poetry”, while *The Decimal Commitment of Tangerines* is one of the first published books of the third wave of Greek avant-garde. The author of the article compares the poems of two books and highlights common elements and differences between them: the sense of time, death as the boundary of reality and the laughter accompanying it, which symbolizes a distorted, “wrong” reality, etc. The article also analyzes the way ideology is represented in the works of Gor and Giannouloupolous. All in all, we can notice that grave and brutal events can be responded to similarly by absolutely different authors, who wrote in different times and circumstances and never new each other.

Keywords: Greek literature, avant-garde, Russian literature, absurd, laughter in literature, OBERIU

Cite this article as: Zarutsky P. S. When absurdism becomes realism: the absurd in poetry books of Gennady Gor and Kostas Giannouloupolous. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 1. P. 32–36. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.429

REFERENCES

1. Aleksandrov A. A. The Eureka of oberiuts. *The Archimedes' bath*. Leningrad, 1991. P. 3–34. (In Russ.)
2. Bakhterev I. When we were young (a nonfiction story). *Recollections about N. Zabolotsky*. (E. V. Zabolotskaya, A. V. Makedonov, N. N. Zabolotskiy, Comp., Eds.). Moscow, 1984. P. 57–100. (In Russ.)
3. Bjuger P. The theory of the avant-garde. Moscow, 2014. 198 p. (In Russ.)
4. Dovlatov S. We were starting the era of stagnation. *Dovlatov S. Shine and poverty of the Russian literature*. Moscow, 2010. P. 179–185. (In Russ.)
5. Zarutsky P. S. A boundless space for poetic innovations. *Inostrannaya literatura*. 2019. No 4. P. 199–205. (In Russ.)
6. Ichin K. Avant-garde explosion: 22 studies on the Russian avant-garde. St. Petersburg, 2016. 383 p. (In Russ.)
7. Sokolova O. V. From avant-garde to neo-avant-garde: language, subjectivity, cultural transfers. Moscow, 2019. 294 p. (In Russ.)
8. Khardzhiev N. I. Articles on the avant-garde. Vol. 1. Moscow, 1997. 392 p. (In Russ.)
9. Yur'ev O. A. The filled hiatus-2 (Review of the book: Gor Gennady. The siege: Poems / Translation from Russian with parallel texts. Vienna, 2007). *New Literary Observer*. 2008. No 89. P. 260–272. (In Russ.)
10. Adorno Th. W. Kulturkritik und Gesellschaft. *Adorno Th. W. Gesammelte Schriften*. Bd. 10/1: Kulturkritik und Gesellschaft. Frankfurt, Darmstadt, 1997. S. 11–30.
11. Αρσενίου Ε. Νοσταλγοί και πλαστοурγοί: έντυπα, κείμενα και κινήματα στη μεταπολεμική λογοτεχνία. Αθήνα: Τυπωθήτω, 2003. 448 σ.
12. Βαλαωρίτης Ν. Το χιούμορ στον ελληνικό υπερρεαλισμό. *Διαβάζω*. 1985. № 120. Σ. 23–32.
13. Τριανταφύλλου Κ. Commun ground or under ground. *To Αθηναϊκό Underground 1964–1983*. Αθήνα: Athens Voice Books, 2012. Σ. 73–82.

Received: 13 June, 2019